

Советская Латвия
г. Рига

49 ОКТ 1986

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

НА АРЕНЕ ЦИРКА

Клоун без маски

Анатолий Марчевский — один из признанных мастеров цирка. Он заслуженный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола. Выступает Марчевский в жанре клоунады. В 1976 году стал лауреатом Международной премии Оскара, присуждаемой раз в году Королевским цирком Бельгии. Из советских клоунов, кроме него, этой почетной награды удостоивался только Олег Попов. С искусством большого мастера рижане могли познакомиться во время заначивающихся сегодня гастролей в рамках цирковой программы «Рига — Париж». После выступлений у нас этот коллектив отправляется на гастроли в столицу Франции.

Как всякий клоун, Анатолий Марчевский заполняет паузы между номерами. Пока готовятся к выступлению другие артисты, он смешичит зрителей. Но как у каждого большого мастера, его номера заставляют думать и о серьезных вещах. На манеже он находчив, разносторонен, остроумен. Такой же он и в жизни. Пишет профессиональные рассказы, снимается в кино, постоянно что-то мастерит,

конструирует. В перерыве между представлениями состоялась наша беседа с популярным клоуном.

— Расскажите, пожалуйста, Анатолий, как вы пришли в цирк?

— В тринадцать лет, еще в школьные годы, я решил попробовать свои силы в самодеятельном цирке города Свердловска Ворошиловградской области. Конечно, тогда мне цирк представлялся в одном романтическом виде,

но вот чего у меня было с достатком, так это энтузиазма. Работал как велофигурист, акробат, эквилибрист, вольтижер. Не довелось заниматься разве только дрессурой и воздушной гимнастикой, да и то потому, что в самодеятельном цирке нет для этого условий. Потом меня пригласили в киевскую цирковую группу, стал профессиональным артистом. Всерьез заняться клоунадой помог случай: долго болел клоун, замена ему не находилась, так постепенно и приобщился к этому делу. После окончания школы вопроса, куда поступать, не было: подал документы на отделение клоунады Государственного

училища циркового и эстрадного искусства в Москве.

— Как дома относятся к вашей профессии?

— Нормально относятся. Думаю, что времена, когда в клоуне видели только шута — человека, унижающего свое достоинство, давно прошли. Если кто-то так и считает сегодня, то ни о чем, кроме низкого культурного уровня, это не говорит. Клоуновое искусство в отличии от многих других профессий предъявляет чрезмерно жесткие требования, и далеко не каждому оно под силу. Здесь ничем, никакими дипломами не прикрыть свою непригодность. Если клоун, к примеру, глуп или за маской шаловливости прикрывает безраз-

личие, то зритель это сразу почувствует.

— Советский цирк всегда славился мастерами смеха разного амплуа. Знаменитый Карандаш веселил одним своим гротескным видом, у Никулина контакт с публикой держится, в основном, на разговорном юморе, Енгибаров поражал акробатическими номерами. Говорят также о «музыкальных», «романтических» и даже «странствующих» клоунах. К какой категории вы бы себя отнесли?

— Трудно поставить себя в определенные рамки. Хотя, наблюдая за моими номерами, можно заметить, что в основном они состоят из элементов акробатики и пантомимы. Красным носом, париком, экстравагантным костюмом не пользуюсь. Поэтому меня иногда называют «клоуном без маски». Но главное для нашей профессии, в чем я убежден, не внешние формы исполнения. Сегодня зритель хочет, чтобы за броскими, эффектными номерами стояли вол-

нующие его мысли. Надо сказать, современная клоунада становится все более интеллектуальной.

— Есть ли у вас коронные номера?

— Не люблю говорить о каких-то отдельных эффектных трюках, номерах, так как они в моей программе представляют собой как бы единый моноспектакль. Хотя, конечно, зритель реагирует по-разному на мои выступления. Например, в Аргентине и Колумбии неизменным успехом пользовался наш совместный номер с инспектором манежа (так называют в цирке ведущего), в котором мы пытались изобразить популярный в Латинской Америке бой быков.

— В наши дни порой говорят о гибели клоуновского искусства, ссылаясь на то, что номера клоунов уже устарели, не могут действовать на сегодняшнюю требовательную публику так, как это было, например, в двадцатые годы?

Согласны ли вы с этим мнением?

— Нет, не согласен. Рассуждая так, можно сделать вывод, что и книги выпускать не следует. Ведь в двадцатые годы, как и сейчас, они посвящались любви, проблемам доброты, чести, достоинства. Пока человек живет, его все время будут волновать эти проблемы. Им и посвящена настоящая клоунада.

— Понравился ли вам рижский зритель?

— Рижская публика безусловно благожелательная, понимающая. Хотя, честно говоря, десять лет назад, когда я первый раз гастролировал в вашем городе, она показалась мне более непосредственной, искренней. Наверное, потому, что зал тогда был переполнен детьми — самой щедрой на аплодисменты частью зрителей.

Е. ГЕНКИН.